

СТИХИ О БОРИСОГЛЕБЕ

* * *

Как яблоня о яблоке своём
не знает ничего и не расскажет –
так и меня к себе родимый дом
крепчайшею верёвкой не привяжет.

Я поле жизни перешёл легко,
и до небес – высоких или низких –
рукой подать, но дом – так далеко,
что стал я вспоминать родных и близких.

(«Узелочек на память»)

* * *

В какой-то потаённой нише,
где влажно, холодно, темно,
мы говорим... но тише, тише,
ведь ничего не решено.

Крутая лестница. Созвездья
в квадратный падают провал.
Но почему с тобою здесь я
ещё ни разу не бывал?

На смотровой площадке башни,
почти на звездной высоте
мы позабыли день вчерашний...
Но ночь сегодняшняя - где?

(«Ночная бабочка в огне»)

* * *

Ни о какой поэзии и речи
сегодня нет; а завтра погляжу.
Прозрачная ложится тьма на плечи,
шумит листва... два слова не свяжу.

Поля и небо без конца и края.
В домах огни. А на дворе свежо.
Что, не похожа осень старовская
На болдинскую? Вот и хорошо.

(«Покров»)

* * *

Наталье Куприяновой

*Здесь, в нашей тихой
Провинции...*

Н.К.

Здесь, в нашей тихой провинции,
может быть, громче пою.
Может, поэтому, в принципе,
слышишь ты песню мою.

Здесь, в нашей тихой провинции,
Я понимаю давно:
Всякие - разные принцы и
нищие – это одно.

Но и не метил в провидцы я
вечных не чуял начал...
Здесь, где пустая провинция –
здесь я тебя повстречал.

Пусть твоего и мизинца я
в общем, не стою, - зато
здесь, где глухая провинция,
слышу тебя, как никто.

Зори, сирень над криницею,
Звёзды – всегда и сейчас.
Слышим мы нашу провинцию.
Слышит провинция нас.

Руки согреты синицею,
А небеса – журавлём.
Если мы слышим провинцию,
Значит мы сами поём.

(«Соцветия»)

* * *

Высокое небо и низкие тучи.
Холодные, злые снега.
И ветер стремится навстречу – тем лучше!
И русской равнины тоска.
И топать, и топать, и топать, и топать
и снег на дороге месить,
и тратить в дороге бесценный свой опыт, -
всё лучше, чем опыт топить.

* * *

Духовной пищи нищие не ищут,
они духовно не беднее нас.
А мне - что делать мне на пепелище,
моей души, когда огонь погас?

Жить подаяньем? – все мы не богаты,
и каждый скажет вежливо: «Дотла
сгорела и моя душа когда-то...
Зато меня от гибели спасла!»

* * *

Ночная глубина Эреба,
Ты, если можешь, подожди.
Мне купола Борисоглеба
ещё сияют впереди.

Высоких трав немое пенье
И предосенний свет небес...
Грядёт моё исчезновенье –
но я давным-давно исчез.

Я растворился в этих чашах,
в просторах, навсегда родных...
Я слов не слышу настоящих,
поскольку пребываю в них!

И глубина небес ночная
Погружена в глубины глаз.
Сильнее смерти жизнь земная,
а небо пребывает в нас.

* * *

Бегут муравьи по тропинке,
гудит над бутонами шмель,
И жмётся былинка к былинке,
И птичья беспечная трель...
И вырежу я по старинке
для песен тростинку - свирель.

Что звуки мои? – не помеха
Для иволги, славки, щегла...
И знай, не искал я успеха –
Ты слышать меня не могла.

Да не было даже и эха! –
...но музыка всё же была.

(«Соцветия»)

* * *

В мой огород
камешки эти –
что за народ:
малые дети!

В мой огород
шастают массы.
Что же растёт?
Дикое мясо!

Здесь, на траве –
лежбище пьяниц:
-Ты же не ве –
гетарианец!

Прут из низов,
прут из окопов
толпы ослов
и остолопов.

Прут напролом
наши бараны.
Верно, царём
я у них стану.

(«Зимняя ночь»)

* * *

Вновь отправляюсь в птичий лес,
свистящий и поющий дико,
всё льётся дивная музыка,
напоминая полонез.

Иль что-то в этом роде Что-то
необъяснимое. Стою
не на земле и не в раю,
Стою, готовый для полёта.

Или для песни? Впрочем, нет.
Когда поют лесные птицы, -
пусть подождёт, пусть затаится,
помедлит, помолчит поэт.

(«Последние стихи») 4.07.2001г.

* * *

Когда-то, я помню, была глубока,
но нынче совсем обмелела река.
Глазами свободно достану до дна –
какая-то мелочь живая видна:
планктон и моллюски, жуки и мальки.
И некуда плыть по теченью реки.

* * *

Вокруг борисоглебских стен
и я гуляю, как
мертвецки пьяный Поль Верлен
из кабака в кабак.

И дождевая льётся с крыш
холодная вода.
И даже спяну мне Париж
не снился никогда.

Тепло и сухо в кабаке.
Бутылка на столе.
Огонь в глазах, стакан в руке,
и прошлое в земле.

А на земле – мертвецки пьян,
бредёт вдоль этих стен,
держа в руке пустой стакан,
мой верный друг Верлен.

Из последних стихов. Не опубликовано. 26.01. 2001г.

* * *

Осень явилась сразу.
В парках – поверх оград –
клёны, берёзы, вязы
Светятся и горят.

Синее небо чисто.
Надо ли ждать невзгод?
Волны птичьего свиста.
Массовый перелёт.

Я провожаю взглядом
осень, и летних птиц...
Шаркая по оградкам,
падают листья ниц.

И покрывают тучи
синюю неба гладь...
Песне моей летучей
некуда улетать.

(«Зимняя ночь» 2001г.)

* * *

Кончилось бабье лето,
осень берёт измором,
и недалеко где-то
каркает чёрный ворон.

Чёрные прутья вишен
листья ржавее жести.
...Голос мой будет слышен
лет, я не знаю, двести.

Потрескивает полено,
потрескивает в печи.
Гну душу через колено,
я с нею один в ночи.

Но лишь без неё – свободу
смогу обрести к утру,
идти через пень-колоду,
гореть, пылать на ветру –

чтобы рассыпаться прахом,
рассыпать звёзды в пути.
Чтобы покончить со страхом
и душу снова найти.

(«Последние стихи» 2.06.2001г.)

* * *

Темно и холодно в дому
и дым табачный.
Ну что поделать, и в дыму
не всё так мрачно.

Шумят деревья за окном
на заднем плане,
А на столе кувшин с вином,
вино в стакане.

Не холодно и не темно.
не всё так плохо –
хотя кончается вино,
табак, эпоха.

В предощущении конца
и жить не тяжко,
ну что ж, ещё глоток винца,
ещё затычка...

(«Зимняя ночь» 2001г.)

* * *

Хренова жизнь? – да я ж не спорю,
молчу, смотрю себе в окно.
Трещит сорока на заборе
давным-давно.

Смеркается; снежок пушистый –
он лёгок на помине, вот
светлым-светло, легко и чисто
идёт, идёт...

Вдруг в темноте скрипит калитка,
слышны поспешные шаги.
Попытка, всё ещё не пытка.
Мы не враги.

Жизнь погибает от избытка
неясных чувств: иди, иди!
О, вся в снегу твоя накидка,
Рукой прижатая к груди!

* * *

Меня зима изводит,
чтоб тоже изнемочь.
Как резко переходит
морозный вечер в ночь!

Теперь лететь по мраку,
сгорая на лету.
В полёте я, однако,
и с места не сойду!

Поскрипывают стены
уже который век!
когда схожу со сцены –
Поскрипывает снег.

Берётся ночь беречь нас
до солнечных времён.
Потрескивает вечность
как скрипочка сквозь сон.

* * *

Мне ангел руку подаёт...

.....
Смотрю в штукатурное небо...

В.Х.

Под низким белым потолком
высокой комнаты моей
летает Ангел – мотыльком
меж двух искусственных огней.

А за окошком тишь да глушь,
да ночи чёрная стена.
Пора переселенья душ.
Окно открыто – ночь душна.

И ночь темна – везде стена, -
и за стеной, и здесь, во мне.
Не видя чёрного окна,
забился Ангел на стене.

И лампы световой кружок
Застыл на письменном столе,
и люстры дальний огонёк,
и белый потолок во мгле.

Меж мной и небом – потолок.
Спасенья здесь не будет мне.
А вот и новый мотылёк
крылами плещет в тишине.

Я умираю от тоски,
я устаю лететь на свет! –
а всё живу. Душа, не лги,
ты знаешь: это мотыльки.
Но Ангела меж ними нет.

*17.05.1991 г.
(«Соцветия»)*

* * *

Ни с того ни с сего снег
повалил, натворил, лёг.
Пусть кончается мой век,
пусть останется день впрок.

Пусть останется ночь, пусть
ни с того, ни с сего – ты.
Я услышу шагов хруст,

я увижу твои следы...
Этот день или день тот,
эта ночь или ночь та –
разве всё это так пройдёт,
не оставив нигде следа?

В этот день или в ночь ту
я ещё на земле - весь.
И куда же я весь уйду,
не оставив следов здесь?

(«Зимняя ночь»)

* * *

Трагическая свобода
всю жизнь погибать в борьбе.
Оторванный от народа
не принадлежит себе.

И нечего делать в мире
свободы своей рабу.
Идущий на все четыре
давно проиграл борьбу.

И сам от себя оторван
ушедший в себя певец,
и должен накаркать ворон
иль тот, иль другой конец.

* * *

Вот из улицы в переулок
поворот, вот иду по траве...
Никаких музыкальных шкатулок
не держу у себя в голове.

Возникает иначе музыка
по заезженной колее.
Я иду, но всё странно и дико,
сколько будет от крика до крика
вёрст и миль, километров и лье?

Всё вокруг до безумия сухо
или всё утопает в грязи –
но касается музыка слуха –
та же самая. Та, что вблизи...

(«Последние стихи»)

* * *

Борисоглеба улицы ночные...
кой-где горят лениво фонари,
как светляки зелёно-голубые,
чуть фиолетовые изнутри.

Под фонарём - и тень моя короче,
и шаг ровней, и дума веселей...
Но до конца дремучей этой ночи
мне столько надо ждать –
меж двух огней!

* * *

Стена тумана, краски сентября
поблёкли, - сыро, холодно, тоскливо.
И где розовоперстая заря?
Лишь чёрные грачи покрыли ниву.

Седое утро. Ночь была долга –
день наступающий пролетит мгновенно.
Но отступает смертная тоска:
лишь краткое воистину бесценно.

(«Покров»)

* * *

Ничего, кроме слова,
кроме слова в тиши...
И свершается снова
обновленье души.

Забываю себя я,
не считаю пропаж...
Отражение рая –
сей осенний пейзаж.

И листва облетела
и шуршит в тишине.
Никакого предела
не положено мне!

Только слово таится,
чтоб слететь с языка –
И взлетевшая птица
так тиха и легка...

(«Зимняя ночь»)

* * *

То глина, то песок, то камень под ногой,
то скрывший землю снег, холодный и нагой,
то лужи, ломкий лёд, а то и мост над бездной
бревенчатой – вполне, но никогда не звездный.

Опора твёрдая – земля, и лишь она
в былом и впереди. И здесь она одна:
ни на морской волне, ни на волне эфирной
ведь я не удержусь с моей мечтой всемирной.

Хотя нужна душе и перемена мест,
но рвётся под ногой широкий невод звёзд,
а видимость небес – непрочная опора
для дальнего пути, земного кругозора.
Пока я здесь – я здесь. Потусторонний план
земного бытия не в ощущениях дан,
а, может быть, как раз в потере ощущений.

И если я иду дорогою осенней,
и если надо мной сияет небосвод,
То знаю, что земля ещё своё берёт.

(«Покров»)

* * *

Проходные дворы,
ни единой души.
Золотые шары
до чего хороши.

Стёкла окон и снег.
Глубина, тишина.
Хорошо, что нас нет,
что стоим у окна,
что выходим на свет,
что выходим на снег...
Хорошо, что нас нет,
Хорошо, что нас нет.

Пропадая во мгле,
мы сияем сейчас –

Словно нет на земле
никого, кроме нас.

Осенние октавы.

Где пели соловьи – закаркали вороны,
и ветер сорвал с ветвей последнюю листву,
и голые торчат под серым небом кроны
берёз, осин, рябин, - и вижу наяву
ту лодку на реке – не лодку ли Харона?
И знаю, что не я на берег тот плыву,
и знаю, что живу. Ползёт тропинка в гору,
и дождик моросит, и снег посыплет скоро.

Мне некуда спешить. Темнеет и пускай.
Идти недалеко. Вороны? – спать пора им.
Вот яблоневый сад. Вот старенький сарай.
Вот контуры домов горбатых за сараем.
И в окнах огоньки. И злой собачий лай.
И девушка моя. И мы легко шагаем
по тропке, вдоль домов, под ласковым дождём,
не думая о том, что было, что потом.

Какая в том печаль, что осень наступила?
Какая в том печаль, что близится зима?
Пусть отдохнёт земля. Пусть наберётся силы.
Я тоже отдохну. Я наберусь ума.
А девочка моя – о чём меня спросила?
Что я ответить мог? - она поймёт сама,
она поймёт потом – и лучше бы попозже...
зачем – пожар души? Зачем мороз по коже?

И вот сижу один я в комнате пустой,
пытаюсь объяснить всё то, что не случилось.
Сегодня удалось мне быть самим собой,
Сегодня удалось...но что переменялось?
Пора бы стать другим...и что с моей душой?
Не жертвуя ничем – она опустошилась...
Шагаю за порог. Земля уже в снегу.
В окне любимой – свет... А я куда бегу?

(«Соцветия»)

* * *

Ничего не скажешь: бабье лето –
ветер, дождь, и холод, и тоска,
мокрая листва, и песня спета,
и тропа меж тропами узка.

Жёлуди тяжёлые по крыше
часто и отчётливо стучат...
Ну а сердце – сердце бьётся тише
и ровней, чем двадцать лет назад.

(«Покров»)

* * *

-Сквозь плотный слой холодного тумана
я вижу даль.
Рассеивается моя печаль
и жизнь желанна.
Поля, поляны
и сосны, и прозрачная смола
кору покрыла...
И бьют моей души колокола,
всю силу
в холодный звон она сама вложила
и запылала вся,
изнемогла...

29.07.85.
(«Соцветия»)

* * *

Я в плену, я в неволе
у себя самого.
Переёду это поле,
не найду ничего.

И по краю, по краю,
где растёт краснотал –
здесь я всё растеряю,
чем вчера обладал.

Тихо вскрикнет пичужка,
вылетая на свет,
и лесная опушка встрепенётся
в ответ.

Будет песнь разливаться
над землёю моей –
но душа отозваться
не осмелится ей...

Сонет

Не надо сокрушаться коллективно:
собачья жизнь возможна и в раю.

И буду ли судьбу хулить мою,
кому-нибудь завидуя наивно?

С живой землёю связан неразрывно,
свободный человек в родном краю,
хвалу родному краю не пою,
хотя стремление к песне неизменно.

Над нами властна музыка земли,
а мы ничем на свете не владеем.
Витая в облаках, влачась в пыли,
мы нашу косность не преодолеем,
Но если песни в небо утекли –
тогда найдётся место на земле им.

(«Стихи високосного года»)

* * *

Утро. Трава в росе.
Падаю на траву.
Разве не так, как все,
я на земле живу?

Видимо, да, - не так.
Но всё равно – пускай.
Вот - под рукой - овраг, -
может быть, жизни край.

Я поднимаюсь, - нет:
держит трава меня,
стебли бегут на свет,
листьев блестит броня.

Нежно коснулся губ
лёгонький Иван – чай...
Корни уходят вглубь.
Отодвигают край.

Правде смотрю в глаза –
море живых цветов.
Солнце. Трава. Роса.
В каждой росинке – кровь.

(«Узелочек на память»)

* * *

Там у парадного подъезда –
всё ясно, что и размышлять...

И надоели манифесты
и вновь идёшь в зелёный лес ты,
так, между прочим, погулять.

И эти медленные думы,
и эта долгая ходьба, -
и этот самый лес угрюмый...
Чтоб из себя, ты сам, без шума,
по капле выдавил раба.

И каплет пусть вода живая,
Вода живая дождевая,
и сквозь листву пусть каплет свет:

и постоянно - лишь погода
Меняется, и нет свободы,
но несвободы тоже нет.

* * *

Под небом осенним простая трава
бледна и бедна и почти не жива.
А воздух-то влажен, и густ, и тяжёл,
богат ароматами хвои и смол,
богат ароматами солнечных дней,
которые в памяти тают моей.

Да, осень настала. Холодную мглой
она проплывает над самой землёй...

Тавра умирает – я ниже травы.

Вода затихает – я тише, увы.

Но утро холодное сходит на нет,
и летний выходит из прошлого свет –
траву распрямляет; и в зеркале вод
небесная птица так звонко поёт!

В холодном и огненном зеркале вод
Поющая птица над миром плывёт...

(«Ночная бабочка в огне»)